

«Сов.культура» 11.XI.54

Возрожденная традиция

Для того, кто знал и помнит музыкальную Москву, скажем, начала 20-х годов, симфонический концерт оркестра Большого театра Союза ССР, состоявшийся недавно в Большом зале Консерватории, был особенно волнующим и радостным событием. Он разбудил воспоминания о тех замечательных симфонических концертах, которые тогда из сезона в сезон по воскресным утрам давал оркестр Большого театра; о незабываемом Вячеславе Суке, бесменном руководителе этого оркестра; о бетховенских циклах оркестра под управлением Оскара Фрида — первого немецкого дирижера, приехавшего после революции в СССР и нашедшего здесь свою вторую родину; о многих других выдающихся музыкантах, которые почитали за честь для себя выступать с чудесным оркестром Большого театра СССР.

И вот сейчас эта драгоценная традиция возрождается: концерт, состоявшийся под управлением главного дирижера Большого театра А. Мелик-Пашаева, открыл цикл симфонических вечеров, которые в нынешнем сезоне даст оркестр Большого театра.

Не всегда и не всякому оперному оркестру бывает под силу из погруженной в темноту театральной залы подняться на концертную эстраду. И сразу, с первого же выступления, овладеть спецификой симфонического исполнения. В то же время нужно сказать: нигде, пожалуй, достоинства и недостатки оркестра не проявляются так явно, как именно в симфоническом репертуаре. Поэтому подобные выступления для оперного оркестра — всегда трудное и ответственное испытание и вместе с тем хорошая и полезная школа. Поэтому, кстати говоря, думается, почин оркестра Большого театра хорошо было бы подхватить всем нашим оперным оркестрам.

Хорошо всем знакомые исполнительские возможности оркестра Большого театра раскрылись на концерте во всем своем блеске. Безукоризненный строй, точность интонирования, железная дисциплина — всем этим действительно могут похвастать артисты оркестра нашего лучшего оперного театра. Надо сказать, что самое звучание этого ансамбля представляет истинное эстетическое удовольствие — так пленительна звонкая песчинка его струнной группы, так выразительны краски его группы деревянных духовых, так бархатно мягок и певуч аккорд его меди, австраляющей одинаково дивиться и ее промокивающему forte и нежному, ласковому piano; так, наконец, гармонично сливаются вместе эти части единого коллектива, воспринимаемого, как цельный и чуткий инструмент.

Один из лучших наших оперных дирижеров, А. Мелик-Пашаев редко выступает на концертной эстраде. Об этом можно только пожалеть. Прошедший концерт лишний раз подтвердил это. Пластичность формы, тщательная проработка деталей, ясность, законченность замысла, последовательность и сила воли в его воплощении всегда привлекают в исполнении Мелик-Пашаева.

Из двух отделений программы (Брамс, Вагнер), безусловно, удачнее, ярче было второе, посвященное творчеству Вагнера. В нем особенно хорошо были сыграны знаменитый Траурный марш из «Гибели богов» и вступление к третьему акту оперы «Лоэнгрин».

Траурный марш — одна из труднейших партитур для дирижера. Его тематический сплав сложен (он синтезирует ряд основных лейтмотивов «Кольца Нибелунга»). Предельно сжатая форма марша с его «ступенчатой» линией драматургического подъема, в затем постепенного спада и угасания требует точной и тонкой

планировки динамических оттенков, иначе произведение гроант превратится в ряд отдельных, разрозненных эпизодов. Мелик-Пашаев с замечательным мастерством «вылепил» форму вагнеровского марша, сумел во всей глубине раскрыть силу и красоту героического пафоса и величественной скорби этой музыки.

Исполнители вступления к третьему действию «Лоэнгрин» нередко пытаются придать этой музыке тяжеловесную грубоватость и помпезную статичность. Мелик-Пашаев рвет с такой «традицией» исполнения Вагнера. Его толкование музыки вступления вызывает желание говорить о ней, как о юношески-статной, легкой вчуже, полной молодого задора и веселого кипения страстей, — и это прекрасно, ибо абсолютно верно и полностью соотносится с содержанием и стилем вагнеровской партитуры.

Ясным и верным был и исполнительский замысел вступления ко всей опере «Лоэнгрин». Но, очевидно, дирижер не рассчитал силы концертного звучания оркестра. Таинственное мерцание, воздушная прозрачность музыки несколько потеряли в своей романтической поэтичности. Мешала здесь, мне кажется, и некоторая завышенность звука у струнных, вообще порой сказывавшаяся на концерте, излишняя плотность звука, в то время как во вступлении к «Лоэнгрину» скорее требовалось бы некое тихое, «бесплотное» звучание.

Нерасчетливость в динамических эффектах, перенапряженность, форсировка звучания отрицательно сказались и на увертюре к «Тангейзеру» — это отяжелило среднюю часть и привело к тому, что для последней кульминации в коде и у оркестра и у дирижера как будто уже не хватило сил. И та вершинная «точка», о которой всегда так заботились в каждой исполняемой ими вещи Рахманинов, Шалляпин, в увертюре на этот раз была упущена.

Ни оперной позы, ни ораторского пафоса, ни резких, оглушающих контрастов совершенно не терпит Четвертая симфония Брамса. Симфония эта — одно из самых вдохновенных творений немецкого композитора — продолжает и развивает линию лирического симфонизма Шуберта. Это отнюдь не значит, что в симфонии нет глубокого конфликта, нет драматизма. Подчеркнуть внутреннюю конфликтность и драматизм, очевидно, и решил Мелик-Пашаев. Все это было бы и вполне закономерно и даже интересно (в особенности в противовес очень распространенной сентиментальной трактовке брамсовской симфонии), если бы, однако, подобная драматизация Брамса не была столь чрезмерной, как произошло на этот раз. В особенности это относится к первой части с ее чарующей «мелодией вадюхов» (первая тема) и ко второй, в которой резкая и неожиданный смена темпов казалась порой несколько нарочитой.

Чайковский приравнивал — по стилю, по приемам письма — оперу к монументально-декоративной живописи. Оперные артисты, воспитанные в определенной исполнительской манере, зачастую неполно переносят обычные оперные приемы на музыку иного, неоперного стиля: певцы — в исполнение романсов, песен, оперные оркестранты — в исполнении симфонических произведений.

Разнообразный симфонический репертуар, который предстоит в течение сезона сыграть оркестру Большого театра, заставит его искать и все более расширять и разнообразить свои исполнительские приемы, так сказать, сменяя, когда это требуется, «фресковую живопись» на «акварель». Это пойдет, несомненно, только на пользу прекрасному музыкальному коллективу.

М. СОКОЛЬСКИЙ.